

Вернувшись в поместье, Вэй Тинсуй отправилась купаться. Чжэнь Вэньцзюнь застыла у дверей купальни, ожидая возможности прислуживать ей в эту последнюю ночь перед отъездом в Жунин.

В какой бы уездный город они ни прибывали, даже в самые бесплодные и нищие края, Вэй Тинсуй неизменно находила для ночлега лучшее местное поместье. В какое бы время года это ни происходило, внутри двора всегда буйно зеленел весенний сад. Но самым важным условием было то, чтобы купальный бассейн обязательно был большим и глубоким, способным вместить достаточное количество горячей родниковой воды, дабы Вэй Тинсуй могла погрузиться в него в полном одиночестве и даже проплыть пару кругов. Горячие источники разгоняли кровь и прогоняли холод, смягчая вьезшуюся в её тело за долгие годы ледяную стужу, поэтому Вэй Тинсуй могла оставаться в воде очень долго.

Чуть ранее, когда Чжэнь Вэньцзюнь на руках внесла Вэй Тинсуй в купальню и усадила её на бортик бассейна, она помогла ей снять с волос все шпильки-буяо и шёлковые ленты, а затем опустилась перед ней на колени, чтобы помочь раздеться. Вэй Тинсуй, к её удивлению, ничуть не жеманилась: опустив руки вдоль тела, она широко раскрытыми глазами смотрела на Чжэнь Вэньцзюнь, позволяя ей слой за слоем снимать верхние одежды. Однако, когда дело дошло до исподней рубашки-синьи, Чжэнь Вэньцзюнь первая сдалась и не решилась продолжить.

Тонкое и грубое полотенце, а также сухое просторное одеяние были аккуратно сложены на бортике бассейна, как раз там, куда Вэй Тинсуй могла дотянуться рукой. Мыльные бобы-цзаодоу<sup>1</sup> и сеточка для волос лежали на изогнутой бамбуковой дощечке, а рядом стоял кубок со сладким, утоляющим жажду соком. Убедившись, что всё готово, Чжэнь Вэньцзюнь обратилась к Вэй Тинсуй:

- Сестрица, я буду ждать снаружи. Как только закончишь, позови меня.

<sup>1</sup>Мыльные бобы / Цзаодоу (皂豆) - традиционное гигиеническое средство в древнем Китае до изобретения современного мыла. Представляло собой порошок из измельченных бобов (обычно гледичии или маша), смешанный с целебными травами, ароматизаторами и сушеными железами животных. Использовался аристократами для мытья тела и стирки деликатных тканей.

Вэй Тинсуй издала слабое «мм» и скользнула в воду. Она небрежно развязала тесёмки исподней рубашки на спине и принялась вольно грести руками, уплывая к противоположному краю бассейна.

В тот миг, когда она повернулась спиной и поплыла вперед, Чжэнь Вэньцзюнь отчётливо разглядела шрамы на её спине.

Эти отметины оказались куда более жуткими, чем она могла себе вообразить. Несколько следов от укусов были невероятно широкими и глубокими, они даже накладывались один на другой. Такие увечья могли образоваться лишь в том случае, если человека терзали и грызли в одно и то же место раз за разом. Вся её узкая спина была испещрена подобными шрамами, на ней практически не осталось ни одного живого, неповрежденного лоскута кожи. И это была лишь картина, представшая на верхней половине спины; страшно было даже представить, в каком состоянии находилось остальное тело Вэй Тинсуй.

В самый первый раз они купались вместе в городе Таоцзюнь. Но тогда родниковая вода была слишком горячей, и клубы густого пара скрыли раны на теле Вэй Тинсуй, так что Чжэнь Вэньцзюнь ничего не заметила. В этот раз пар тоже поднимался над водой, но не настолько,

чтобы застать взор, и это позволило ей во всех подробностях и без утайки разглядеть всю её спину, которую она так давно мечтала увидеть.

Чжэнь Вэньцзюнь и раньше догадывалась, что шрамы Вэй Тинсуй могут быть потрясающе жуткими, она мысленно готовила себя к этому, но увиденное воочию оказалось в несколько раз страшнее любых её предположений.

- Сестрица, твоя спина... - Чжэнь Вэньцзюнь не могла не заговорить.

Вэй Тинсуй проплыла ещё немного, после чего привалилась к бортику бассейна, чтобы перевести дух. Всё её тело по самую шею было погружено в горячий источник, длинные иссиня-черные волосы намокли, и несколько влажных прядей облепили уголки её глаз, пока кончики волос колыхались в воде. Под водой она медленно разминала руки, отчего по поверхности расходились круги мягкой ряби. На висевших на деревьях и в галерее марлевых фонарях была наклеена золотая бумага, поэтому даже блики света, отражавшиеся в бассейне, казались золотыми. Сияющие кольца то взмывали, то опускались вокруг Вэй Тинсуй, отчего она казалась одновременно неопределимо прекрасной и зловещей, точь-в-точь как хрупкий, но несокрушимый мифический зверь-демон.

- Уродливо, правда? Напугала тебя? - Вэй Тинсуй моргнула, и её ресницы, покрытые влажной дымкой, плавно взмахнули. В её словах не было ни капли жалости к себе или стыда, но от этого Чжэнь Вэньцзюнь на душе стало ещё более скверно.

- Что же на самом деле стряслось с тобой, сестрица... Отчего ты получила столь тяжёлые раны?

Вино, грядущая разлука и шрамы от былых страданий - все эти три сокрушительных, смертоносных фактора наложились друг на друга, из-за чего Чжэнь Вэньцзюнь едва не потеряла самообладание. Образ Вэй Тинсуй таил в себе слишком много неразрешимых загадок, и именно притягательность этих тайн когда-то побудила Чжэнь Вэньцзюнь начать своё исследование. Её чувства прошли долгий путь трансформации от первоначального ужаса до нынешней мучительной привязанности. В те дни, когда Се Тайхан жестоко шантажировал её, она и представить не могла, что проникнется столь непреодолимой, щемящей нежностью к той, которую должна была устранить.

Она понятия не имела, насколько сильно разочаровалась бы в ней матушка, узнай она обо всем, и какие суровые уроки преподнесла бы ей. Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала, что ей не следовало задавать тот вопрос - этот расспрос уже давно перешагнул рамки простых отношений между хозяйкой и служанкой. В обычных обстоятельствах слугам положено лишь безмолвно слушать то, что госпожа соизволит сойти до их ушей и рассказать сама, а раз она решилась спросить в лоб, значит, это волновало её до глубины души.

Она изо всех сил пыталась сдерживать эмоции, не желая уступать инициативу в их психологической дуэли. Однако в эту ночь перед разлукой ей хотелось отбросить условности, сорваться с поводка и докопаться до истины. Внедрение её в окружение Ли Яньи было частью грандиозного плана Вэй Тинсуй, и та даже пообещала тайно оберегать её. Но мир переменчив, и стоило ей сделать шаг прочь, как грядущий путь скрывался во мраке: никто не знал, какие извилистые тропы её ждут и суждено ли им вообще когда-нибудь свидеться вновь. В смутные времена жизнь человеческая гроша ломаного не стоит. Чжэнь Вэньцзюнь, привыкшей двигаться вслепую, на ощупь, до сих пор невероятно везло. Но она понятия не имела, какая участь ждет её, соверши она хоть один неверный шаг, когда оборвется её жизнь и в каких краях ей суждено сложить голову. В её душе не было никакой уверенности.

Если не прояснить всё, что тяготит сердце, перед самым расставанием, Чжэнь Вэньцзюнь искренне боялась, что в будущем ей больше никогда не представится случая спросить об этом вслух.

Пока Чжэнь Вэньцзюнь тонула в водовороте бурных чувств, Вэй Тинсюй, напротив, оставалась абсолютно непоколебимой под её пристальным взглядом, и ни единая тень сомнения не промелькнула на её лице.

Она слегка опустила веки и, оттолкнувшись руками от бортика бассейна за спиной, заставила своё тело плавно рассечь водную гладь. Из-за того, что её ноги были полностью парализованы, она плыла исключительно за счет силы рук, медленно и неторопливо.

Сердце Чжэнь Вэньцзюнь бешено, до боли колотилось, а взгляд был намертво прикован к ней.

- Когда мы встретимся в следующий раз... - Вэй Тинсюй доплыла до противоположного края бассейна и, ухватившись одной рукой за бортик, с некоторым трудом перевернулась благодаря выталкивающей силе горячего источника. Устроившись на спине и покачиваясь на воде, она перевела взгляд на Чжэнь Вэньцзюнь, а на её губах заиграла мягкая, нежная улыбка:

- ...я обязательно всё тебе расскажу.

Чжэнь Вэньцзюнь очень долго простояла у дверей, раз за разом прокручивая в памяти эту сцену, пока окончательно не потеряла счёт времени, забыв, что хозяйка так и не позвала её.

Кто знает, сколько можно находиться в бассейне? К тому же, здешний горячий источник не был природным, воду в этот резервуар наливали и подогревали вручную. Если чересчур увлечься водными процедурами, можно сильно простудиться, и тогда пиши пропало.

- Сестрица! - позвала Чжэнь Вэньцзюнь, но из купальни не донеслось ни звука.

- Сестрица! - прикрикнула она громче, но услышала лишь, как с дерева на усадьбе донёлся тихий голос дежурного стражника:

- Госпожа Чжэнь, похоже, юная госпожа уснула.

- Уснула? Плохо дело! - Чжэнь Вэньцзюнь тут же рванулась внутрь. Тело Вэй Тинсюй всё ещё было погружено в воду, а голова бессильно склонилась к самому бортику. Мыльные бобы были израсходованы, сок выпит до капли. Судя по всему, после купания ей стало настолько хорошо и привольно, что ей не захотелось вылезать. Она продолжила нежиться в источнике, но распаренное горячей водой тело после хмельного вечера попросту сморил глубокий сон.

Сбросив своё тяжелое верхнее одеяние, Чжэнь Вэньцзюнь прямо в одежде прыгнула в бассейн и неистово поплыла к Вэй Тинсюй, вздымая тучи брызг со всех сторон.

- Сестрица, сестрица? - она коснулась её пальцами, проверяя дыхание. Оно оказалось ровным и глубоким, никакой опасности для жизни не было. Более того, привлечённая шумом, Вэй Тинсюй даже приоткрыла глаза. Оказалось, она даже не лишилась чувств, а действительно просто крепко спала? Впрочем, оно и неудивительно: сегодня вечером она едва пригубила вина.

Чжэнь Вэньцзюнь невольно понизила голос до шёпота и принялась ласково звать её у самого уха. Вэй Тинсюй лениво и крайне неохотно разомкнула веки. Встретившись взглядом с Чжэнь Вэньцзюнь, она слегка нахмурила брови, напоминая маленького ребенка, которого

бесцеремонно разбудили посреди сладкого сна. Едва слышно угукнув, она со всей привычной естественностью и как нечто само собой разумеющееся обвила руками шею Чжэнь Вэньцзюнь и крепче прижалась к её груди. Чжэнь Вэньцзюнь поспешно подхватила её под колени и за спину, надёжно заключая в свои объятия.

- Сестрица, я отнесу тебя обратно в комнату, пора спать...

Под колышущейся водной гладью то и дело проступали очертания обнаженного тела Вэй Тинсуй, и на её белоснежной груди, кажется, тоже виднелись следы былых увечий. У Чжэнь Вэньцзюнь защемило сердце. Не в силах больше на это смотреть и страшась осквернить её чистоту дурными помыслами, она рванула с бортика длинное просторное одеяние и намертво закутала в него тело Вэй Тинсуй.

Держа Вэй Тинсуй на руках, она вышла на берег, не заботясь о собственном промокшем состоянии, укрыла Вэй Тинсуй своей верхней одеждой и бережно отнесла обратно в спальню.

Влага на теле Вэй Тинсуй уже почти полностью впиталась в халат. Чжэнь Вэньцзюнь осторожно уложила её в постель, затем сняла халат, терпеливо высушила её длинные волосы и зажгла её любимые благовония. Тыльной стороной ладони она прижалась к собственному лбу, чтобы вытереть пот, и наконец всё было устроено как следует.

Вэй Тинсуй спала очень безмятежно. Чжэнь Вэньцзюнь всё ещё не покидало ощущение, будто она сделала не всё, и ей не хотелось уходить.

Она распахнула деревянный шкаф и принялась аккуратно складывать и распределять по местам всю одежду Вэй Тинсуй. Открыв шкатулку с её украшениями, она разложила различные шпильки-буаю и серьги по трём ярусам: верхнему, среднему и нижнему, в точном соответствии с повседневными привычками и вкусами хозяйки. Румяна и лаки для ногтей она тоже выстроила ровными рядами, распределив их от тёмных оттенков к светлым. Сидя посреди этого ровного ряда внешне столь похожих друг на друга маленьких коробочек, Чжэнь Вэньцзюнь впервые с таким упоением пыталась запомнить каждый цвет. Она тщательно разбиралась, чем именно они отличаются друг от друга и с какой стати Вэй Тинсуй накупила столько почти одинаковых оттенков.

Едва рассвело и открылись ворота городского рынка, Чжэнь Вэньцзюнь сразу же отправилась закупать лекарственные травы. Она скупил все целебные коренья, которые повседневно требовались Вэй Тинсуй: для изгнания зловредного жара и сухости, восполнения жизненных сил ци, восстановления меридианов и улучшения кровообращения. Распределив и смешав их, она упаковала снадобья в отдельные маленькие свёртки, на каждом из которых подробно расписала лечебные свойства и способ применения, после чего передала всё Линби. Вдобавок она всучила Линби целую стопку векселей, которые ранее обменяла в доме «Цянькунь». Поначалу Линби наотрез отказывалась принимать деньги, но Чжэнь Вэньцзюнь силой заставила её взять их:

- Так или иначе, раз я следую за Старшей Принцессой, меня наверняка заберут во дворец. Внутри дворцовых стен тратить деньги особо не на что, мне хватит и той мелкой серебряной монеты, что я беру с собой. А эти средства я помогла заработать сестре, так что заведи их для неё.

Внезапное известие об отъезде Чжэнь Вэньцзюнь застало её саму врасплох, а для Линби этот поворот стал ещё более неожиданным. Сжимая в пальцах вексели, Линби ощутила, как у неё на душе скребут кошки:

- Ты и впрямь уезжаешь? И как долго тебя не будет?

- Как долго... Я и сама не знаю, сколько это продлится. Задавать вопрос «как долго» имеет смысл лишь тогда, когда всё ещё надеешься вернуться. А смогу ли я вообще вернуться, дело тёмное.

- Ты не вернёшься?!

- Это зависит от желания сестрицы. Если сестрица захочет, чтобы я ушла, я уйду. Если она скажет мне не возвращаться, я не вернусь.

Линби лишилась дара речи. Она видела, что Чжэнь Вэньцзюнь ведёт себя на редкость спокойно и больше не бьется в бесплодных сомнениях. Судя по всему, она уже до конца всё для себя уяснила. Раз так, у Линби не оставалось причин вмешиваться, и она лишь попросила её подождать минуту.

Линби ушла в комнату и вынесла оттуда железный наруч, который лично застегнула на руке Чжэнь Вэньцзюнь:

- Это непростой наруч. Он невероятно прочен, и обычному холодному оружию с ним не совладать. Запомни: ты обязана носить его и ни при каких обстоятельствах не снимать. В критический момент он спасёт тебе жизнь.

- Как я могу принять столь ценное сокровище?

- Не говори глупостей, просто бери. - Линби сказала это свирепо, а затем смягчилась, посмотрев на лицо Чжэнь Вэньцзюнь с редкой нежностью. - Это единственная вещь, которую оставили мне мои покойные отец и мать. Сейчас этот наруч может показаться тебе громоздким и неуклюжим, но в свое время он действительно спас мне жизнь. Последние два года я принципиально его не носила, чтобы не оставлять себе путей к отступлению. Стоит лишь понадеяться на спасительный доспех, как сразу дашь слабину, а я хотела до предела закалить волю и ежесекундно сохранять бдительность. Теперь я передаю его тебе. Наша госпожа отсылает тебя к Старшей Принцессе вовсе не потому, что ты ей больше не нужна. Она возлагает на тебя куда более важное поручение. Забирай его. Я лишь надеюсь, что тебе не грозит опасность, и этот наруч тебе никогда в жизни не пригодится.

Чжэнь Вэньцзюнь сжимала наруч в руках, опустив голову. Лишь спустя долгое время она смогла глухо выдавить из себя: «Спасибо».

- Ну и чего ты, маленькая обезьянка? Вымахала уже выше меня, а чуть что сразу в слезы! - Линби легонько щёлкнула её по лбу и зычно прокричала:

- Зато теперь, когда тебя не будет рядом и ты перестанешь действовать мне на нервы, я хоть проживу на пару лет дольше, не придется изо дня в день терпеть твои выходки!

Когда Чжэнь Вэньцзюнь подняла на неё свои покрасневшие глаза, слёзы уже катились из них в два ручья. У Линби при виде этой картины мгновенно защемило в носу. Она со всей силы хлопнула её по руке и сама разрыдалась:

- Хватит тут разводить мокроту! Исполнять волю нашей госпожи великая честь. Радоваться надо! К тому же, слать письма с почтой пара пустяков, главное не вздумай позабыть свою сестрицу Линби! Пора в путь, ступай, ступай уже, нечего тут топтаться. А о барышне мы и сами как следует позаботимся!

Чжэнь Вэньцзюнь крепко обняла Линби:

- Я буду скучать по тебе.

Линби была не в силах совладать с этой девчонкой, у которой от слёз уже поплыл весь макияж.

Чжэнь Вэньцзюнь собрала вещи и приготовилась уходить. Линби порывалась:

- Я пойду позову госпожу!

- Не зови её. - Чжэнь Вэньцзюнь села на Юньчжун Фэйсюэ, закинув за спину завязанный по диагонали дорожный узел. Краснота и припухлость на её заплаканных глазах уже медленно сходили, а на смену им пришла непоколебимая решимость человека, который наконец-то узрел свой истинный путь. - Пусть сестра поспит ещё немного. Как только я доберусь до Жунина, сразу же отправлю вам письмо.

Кортеж Ли Яньи уже ждал её за пределами двора. Чжэнь Вэньцзюнь ударила коня по боку, и Юньчжун Фэйсюэ, цокая, унес её прочь.

На крыльцо, к её изумлению, вышла даже Сяохуа.

Все эти дни она была прикована к постели тяжёлым недугом, никто и подумать не мог, что сегодня она найдет в себе силы подняться.

Лицо Сяохуа всё ещё было плотно замотано слоями ткани, и за версту можно было почуять исходящий от неё густой, удушливый запах целебных мазей. Спустя много дней разлуки отеки на её теле, кажется, изрядно спали, а глаза, проступившие сквозь бинты, выглядели крупнее, чем прежде. Бог весть, увеличились ли они на самом деле или просто вернулись к прежнему виду после того, как застоявшийся яд начал выходить из тканей.

- Береги себя.

Обычно нелюдимая и немногословная Сяохуа тоже пришла проводить её в путь. От этого зрелища уголки губ Чжэнь Вэньцзюнь сами собой поползли вверх, и она не смогла сдержать тёплой улыбки.

- Пошла! - Вскрикнула она, больше не оглядываясь назад и не позволяя былой тоске сковать сердце. Одержимая бушевавшим в груди пламенем, она решительно покидала эти края.

В день своего приезда сюда у неё не было за душой абсолютно ничего, а теперь, уезжая, она везла с собой увесистую дорожную суму и переполненное чувствами сердце.

Следуя за кортежем Ли Яньи строго на восток, Чжэнь Вэньцзюнь спрятала ту самую точь-в-точь похожую на неё деревянную куклу за пазуху, оставив снаружи лишь крохотную резную макушку. Лишь теперь до неё окончательно дошло: Вэй Тинсюй, скорее всего, с самого начала просчитала и спланировала каждый этот шаг. Фигурка была не просто подарком на день рождения, она стала памятным залогом перед долгой разлукой.

Прижав куклу ближе к сердцу, она двигалась вперёд, готовая без малейшего страха встретить любые испытания, что уготовило ей будущее.

- Юная госпожа, Вэньцзюнь уехала. - едва Чжэнь Вэньцзюнь скрылась из виду, Линби и Сяохуа вместе вошли в покои и обнаружили, что Вэй Тинсюй уже проснулась. Она сидела на краю

постели, отрешенно разглядывая зажатую в пальцах, высохшую, увядшую розу-пайхуай. Услышав её слова, она издала «мм» и, убрав цветок, сказала:

- Сяохуа, как продвигается твое исцеление от яда?

Сяохуа ответила:

- Отвечаю юной госпоже, со мной уже все в порядке.

Линби бросила на неё мимолетный, полный нерешительности взгляд, словно хотела что-то сказать, но вовремя прикусила язык.

- Хорошо, - произнесла Вэй Тинсуй. - В таком случае нам тоже пора выдвигаться в путь.

Выезд Ли Яньи вовсе не отличался роскошью и мало чем уступал экипажу Вэй Тинсуй, однако её конвой превосходил охрану Вэй Тинсуй более чем вдвое, и это не считая теневых стражей, которые прочёсывали окрестности и ни разу не показались на глаза. Ли Яньи несколько раз приглашала Чжэнь Вэньцзюнь пересесть в повозку, чтобы укрыться от пронизывающего ветра и дать отдых ногам, но Чжэнь Вэньцзюнь упорно предпочитала оставаться в седле. Рядом с Вэй Тинсуй её никогда не покидало ощущение, будто за ней кто-то непрерывно следит. Теперь же, покинув её, она почувствовала себя куда свободнее, и ей наконец-то удалось сполна насладиться упоением от быстрой скачки.

Ли Яньи была человеком прямым и скорым на слово, её нрав разительно отличался от мрачного и непредсказуемого характера Вэй Тинсуй. К тому же, Чжэнь Вэньцзюнь попала к ней под видом доверенного лица Вэй Тинсуй, поэтому принцессе было бы крайне тяжело догадаться, что перед ней шпионка, засланная кланом Се. Пройдя через эти третьи руки, её положение, напротив, сделалось куда более прочным.

Она вспомнила, как прошлой ночью Вэй Тинсуй поведала ей об интриге с раздором, которую разыграл Ли Цзюй. Теперь, если тщательно всё взвесить, метод, которым Вэй Тинсуй сокрушила этот капкан, выглядел на редкость изящным и крайне занимательным.

Тот Лю Фэн занимал пост командующего гвардией Хубэнь, и воины-хубэнь, охранявшие сейчас Ли Яньи, по всей видимости, были его прямыми подчиненными. Раз уж Ли Яньи могла вверить собственную безопасность в руки Лю Фэна, она определенно питала к этому человеку глубокое доверие. Потребовав Лю Фэна к себе, Вэй Тинсуй устроила Ли Яньи проверку. Ли Яньи без лишних слов отдала его, а Вэй Тинсуй в ответ прислала ей своего доверенного человека. В этом шаге в той или иной степени прослеживался взаимный обмен «заложниками». Это не просто развеяло подозрения Ли Яньи, но и увеличило политический вес самой Вэй Тинсуй в глазах принцессы: отныне, даже если Ли Яньи в будущем захочет нанести удар, ей придется действовать с оглядкой. Этот ход мгновенно вернул пошатнувшуюся ситуацию в прежнее русло стабильности.

В тот день Чжэнь Вэньцзюнь сама воочию наблюдала за тем, как приводится в действие интрига с раздором, вот только она увидела лишь самую верхушку айсберга и не стала докапываться до скрытых смыслов. Ей и в голову не могло прийти, что это дело повлечет за собой столь сложную череду потрясений. Матушка была абсолютно права, когда ругала её за недалёковидность. Окажись она сегодня на месте Вэй Тинсуй, врагам бы давно удалось вбить между ними клин. Она-то полагала, будто уже повзрослела, но, как оказалось, перед лицом истинных мастеров она всё ещё оставалась неразумным дитятей.

Следующей их целью была столица Жунин - место, где драконы смешались со змеями. Ей

необходимо проявить предельную, стократную бдительность и досконально препарировать общую расстановку сил, дабы удержать позиции и не потерпеть поражения.

Отныне из окружения Вэй Тинсюй она переместилась к самой Ли Яньи в самый эпицентр политического противостояния. В глазах клана Се её стратегическая ценность возросла в разы, и это дарило ей идеальный шанс для ответного удара. Она обязана известить о случившемся Се Фучэня, дабы постепенно превратиться из пешки в полноценного хозяина положения.

Ли Яньи было под тридцать - самый расцвет сил, да и нрав её отличался пылкостью. Стоило конвою выбраться на безлюдный казённый тракт, как они помчались подобно раскатам грома, стремительно покинув пределы Суйчуаня. Отряд без остановки скакал день и ночь, прежде чем сделать привал в диком поле. До ближайшего уездного города отсюда оставалось меньше десяти ли, однако Ли Яньи и не думала туда сворачивать. По логике вещей, устроиться на ночлег в поместье местного уездного начальника было куда комфортнее, чем разбивать палатки в чистом поле. Но принцесса проигнорировала близость города и даже на следующий день при отправлении обошла крепостные стены стороной, поспешно миновав эти земли по глухим окраинам.

Она планировала внезапную атаку. Чжэнь Вэньцзюнь догадывалась, что Ли Яньи хочет нанести Ли Цзюю сокрушительный удар, застав его врасплох.

Сложив воедино обрывки разговоров, услышанных в пути, Чжэнь Вэньцзюнь в общих чертах уяснила суть происходящего. В своё время Вэй Тинсюй велела ей продать зерно губернатору по фамилии Хун, и теперь этот человек оказался за решёткой и, как выяснилось, именно те её пятьдесят тысяч повозок с продовольствием заложили основу для его краха. Если бы Ли Яньи и остальные не заговорили об этом, Чжэнь Вэньцзюнь до сих пор бы ведать не ведала, что в бочках с рисом было сделано двойное дно, забитое грязью и камнями. Она понятия не имела, когда именно Вэй Тинсюй нашла людей для этой грязной работы. Сама Чжэнь Вэньцзюнь сбывала товар в полном неведении, отчего действовала абсолютно естественно и не оставила следов, так что и Хун Ай ни о чем не догадался. Воистину, это было сделано без чьего-либо ведома.

Теперь Хун Ай был заключён в императорской тюрьме. Главный судья Гуань Сюнь лично допрашивал его, пустив в ход самые изощрённые и свирепые пытки, однако этот губернатор Хун проявил неожиданную стойкость духа: он до последнего наотрез отказывался признавать вину в присвоении средств, выделенных на спасение голодающих. Ли Цзюй, прикрываясь лозунгами о жестокой борьбе с коррупцией, придавал этому делу колоссальное значение и требовал от Гуань Сюня во что бы то ни стало выбить из узника признание, скреплённое его личной подписью и отпечатком пальца. Но раз Хун Ай упрямо не шел на сделку со следствием, Гуань Сюнь ничего не мог поделать.

- Похоже, Ли Цзюй просто тянет время, пытаясь нащупать лазейку и вытащить Хун Ая на свободу, дабы уберечь клан тестя императора от тотального краха. Скорее всего, они уже вовсю фабрикуют фальшивые улики, чтобы смыть с него грех казнокрадства, - Ли Яньи, Цзо Сюй и Линь Цюань без конца обсуждали уловки, к которым может прибегнуть Ли Цзюй. Они мысленно ставили себя на место императора, просчитывая, как поступили бы сами, и тут же выстраивали встречные стратегии, дабы разбить его планы в пух и прах.

Чжэнь Вэньцзюнь безумно нравилось слушать их споры, многие из их блестящих замыслов заставляли её мысленно аплодировать от восторга. Эти высокопоставленные сановники были ведущими стратегами Великой Юй, они обладали глубочайшими знаниями и были невероятно

красноречивы, что в корне перевернуло прежние представления Чжэнь Вэньцзюнь о мире. Вскоре она и вовсе отказалась от верховой езды, пересев в повозку, чтобы подносить им чай и вино, а заодно втайне перенимать мастерство великих кукловодов.

Пока Ли Яньи тайно гнала коней во весь опор и со дня на день должна была прибыть в Жунин, во дворце императрица Фэн Сии пришла к Ли Цзюю, терзаясь неопишуемой тревогой.

- Ваше Величество, до слуха вашей слуги дошли вести, будто казённое серебро, выделенное на нужды голодающих в Суйчуане, невесть каким образом обнаружили в поместье Хун, и из-за этого Хун Ая уже бросили в императорскую тюрьму. Тот Гуань Сюнь лично допрашивает его и уже замучил до полусмерти, превратив в живой труп, лишь бы выбить признание под пытками! Ваше Величество! Вы непременно должны восстановить справедливость ради всей семьи вашей слуги!

Фэн Сии, несмотря на огромный живот, с размаху опустилась на колени. Стоявшие подле служанки даже не успели её подхватить.

- Цзытун, что ты творишь?! Ну же, поднимайся! - Ли Цзюй поспешно отбросил свитки, что держал в руках, шагнул к ней и помог встать, после чего велел служанкам и евнухам немедленно удалиться.

- Это определённо козни Ли Яньи! Она оклеветала моего брата, чтобы утянуть на дно всю нашу семью! - при упоминании Ли Яньи Фэн Сии так яростно заскрежетала зубами, словно готова была самолично загрызть её насмерть.

- Нам ли того не знать. Я и сам жажду возможности спасти его.

- Но разве для Вашего Величества не достаточно одного-единственного слова, дабы уберечь его?! Объявите просто, что та партия казённого серебра была тайно выделена ему Вашим Величеством ради исполнения иного секретного поручения! Да хотя бы ради войны с варварами-ху или чего угодно еще. Главное, чтобы это никак не было связано с Суйчуанем! И кто тогда посмеет обронить хоть слово против?! Ведь Ваше Величество - священный владыка Поднебесной.

Ли Цзюй помог Фэн Сии сесть:

- Цзытун, ты многого не ведаешь, это дело отнюдь не простое. Та партия казённого серебра - целевые средства, предназначенные исключительно для спасения голодающих. Раз на них выбиты соответствующие клейма, их невозможно использовать на иные нужды. Если мы станем упорствовать и лгать, это будет выглядеть шито белыми нитками. К тому же, дело не ограничивается серебром: в суйчуаньских бочках с рисом обнаружили грязь и камни - преступник пойман с поличным, и тут сколько ни оправдывайся, рта не раскроешь. Ли Яньи на этот раз нанесла двойной скрытый удар, и он оказался невероятно подлым и точным. Более того, обвинение в коррупции с самого основания государства считалось делом крайне щекотливым. Из-за многолетних войн казна давно опустела, и кое-кто из министров уже предложил увеличить налоги ради снабжения фронта. И надо же было именно в такой момент вспыхнуть делу о казнокрадстве, что привело в ярость всю честную свиту. Все сановники прекрасно знают, что он твой двоюродный брат.

Если я проявлю излишнее самоуправство, на меня падёт клеймо покровителя продажных чиновников, и тогда, если министры начнут один за другим подавать коллективные прошения против меня, выпутываться будет куда сложнее. Именно потому, что я являюсь Сыном Неба, мне нельзя действовать опрометчиво. Я не могу из-за него самолично перечеркнуть своё

будущее.

Выслушав доводы Ли Цзюя, Фэн Сии тоже помрачнела:

- Выходит... выходит, Хун Аю на этот раз ни за что не избежать казни?

- Нет, - Ли Цзюй резко сменил тон. Заведя руки за спину, он принялся неторопливо мерить шагами покой. - Я уже отыскал встречную стратегию.

Фэн Сии несказанно обрадовалась и, бережно придерживая живот, в великом восторге подалась вперёд:

- Раз уж Ваше Величество нашли выход, умоляю, приведите план в действие как можно быстрее! Спасите Хун Ая скорее, императорская тюрьма не место для людей!

- Подожди ещё немного.

- Подождать ещё немного? - Фэн Сии растерялась. - Чего же еще ждёт Ваше Величество?

Ли Цзюй обернулся. В облике этого юного, полного честолюбивых помыслов императора сквозила непоколебимая, торжествующая уверенность человека, твёрдо знающего, что победа будет за ним.

- Я жду возвращения Ли Яньи. Мои лазутчики всё это время тайно следовали за ней по пятам. Она обходит стороной города и заставы, пробираясь исключительно глухими окраинами, лишь ради того, чтобы примчаться в столицу и застать меня врасплох. Хех, вот только я, к её несчастью, давно ко всему подготовился.

Фэн Сии смотрела на мужа глазами, полными безграничного обожания.

- Цзытун, тебе не нужно беспокоиться о придворных делах. - Ли Цзюй склонился к её животу и ласково погладил его. - Я непременно искореню шпионов Ли Яньи, защищу тебя и нашего будущего сына, уберегу от беды простой народ Поднебесной. Эти земли и алтари Великой Юй я намертво зажму в своём кулаке.

<http://bllate.org/book/17227/1644441>